
Кадры отчетной фотофиксации лагерной жизни совсем не похожи на страшные подробности из рассказов людей, переживших государственный террор, и зафиксированные в архивных документах. Мы предлагаем пример ключа к пониманию способности не видеть неприятного, не заметить страшного, не помнить, когда нет сил помнить и не можешь вмешаться и исправить. На листе гербария – седумы, они осыпались и поломались, это невысовывающиеся растения голых камней. На стекле – внутренняя структура тела дерева. Как честное взглядывание в себя, свое взросление, ошибки и потери.

«Что такое историческая достоверность?»

Спрашивает Варлам Шаламов в антиромане «Вишера» и отвечает – «Очевидно, запись по свежим следам». По свежим событиям своего первого лагерного срока он не записал. Но он не щадит себя, уходит от «ошеломляющего владения словом», которое мы чувствуем в «Колымских рассказах», и «на всем протяжении повествования „Вишеры“ пребывает в жестокой зависимости от клише, правил, авторитетов, чужой речи», – считает литературовед Елена Михайлик. «В „Вишере“ Шаламов попытался сделать тот самый, последний шаг в сторону полной аутентичности – написать вишерские лагеря „правдой того самого дня“, глазами и руками именно того человека, который в них побывал – и не успел накопить еще иного опыта. Себя-прежнего. Увидеть то, что видел Шаламов образца 1929 года. Не увидеть того, чего тот не заметил бы. Восстановить язык, на котором утонувший в том времени человек описал бы свой лагерь. И этим описанием – приоритетами, отношением, лакунами – в свою очередь создать портрет рассказчика».

Рассказчика, который «достаточно очевидным – и довольно резко заявленным образом – не понимает значительную часть того, что видит. Например, в одном из последних очерков „Вишеры“ – „В лагере нет виноватых“ – он пишет: „Я проехал весь штрафняк, весь северный район Вишлага – притчу во языцах, – канонизированную, одобренную людской психологией, угрозу для всех, и вольных, и заключенных на Вишере, я побывал на каждом участке, где работал арестант-лесоруб. Я не нашел никаких следов кровавых расправ“.

Шаламов-колымчанин, вероятно, посмеялся бы над такой наивностью – или счел бы ее недостойной даже смеха. Потому что первый вопрос, который следует задавать в этих случаях, таков: в каком именно качестве приехала его юная, вишерская, ипостась на штрафной север? А приехала она туда в самом конце срока, уже сделав и наполовину погубив лагерную карьеру, ни много ни мало – принимать отделение по линии учетно-распределительной части. УРЧ. То есть структуры, занимавшейся учетом и распределением труда заключенных. Не бесправным работягой, а лагерным начальником из заключенных приехал в штрафной район Шаламов-прежний. Опальным, но начальником – с хорошими, крепкими связями в центре.

Конечно, он не видел расправ – неизымаемого характера они тогда не носили, а всего прочего ему в этих обстоятельствах не показали бы».

Безжалостный к себе Шаламов описывает, как отстаивал свое представление о справедливости, заступился за избитого на этапе в Красновишерск сектанта Петра Зайца. Как выстоял за этот протест голым на морозе. Но мы только через много страниц узнаем, что в этом же этапе ехала зубной врач Зоя Петровна. В групповое изнасилование, начатое начальником конвоя, не вмешался никто.

«Рассказчик, именно что „забывший“, надолго изъясивший из повествования „тело Зои Петровны“, „вспомнит“ о нем только после того, как подаст вместе со старшим товарищем по оппозиции официальный протест, описывающий чудовищное положение женщин в лагере. Он заговорил, получил возможность заговорить, когда действием – официальным протестом, который мог в лагерных условиях обойтись ему очень дорого, – сумел наконец отделиться от тех, кто так и продолжал молча лечить зубы у Зои Петровны».

На основе исследования Елены Михайлик «Вишерский антироман как неопознанный объект», полный текст: Новое литературное обозрение, № 133 (3/2015), в электронном виде – на сайте shalamov.ru

Вид под микроскопом поперечного разреза елового дерева возраста 90 лет 1930-е годы, архив стеклонегативов со строительства Вишерского бумкомбината, фонды Архивного отдела администрации Красновишерского муниципального района.

«Из истории строительства Вишерского целлюлозно-бумажного комбината и Вишерского лагеря»

К апрелю 1931 г. в Вишлагае было уже 39 тыс. заключенных. Это было значительно выше плановых цифр и вызвало тревогу: «лагерь получил в результате переброски количество рабочей силы, превышающее и его план, и его хозяйственные потребности».

Досрочно освобожденные заключенные с 1930 г. переводились на «колониацию» с целью сохранения рабочей силы и освоения территории в районе действия лагеря. Комбинат введен в строй досрочно, за 18 месяцев. Следствием досрочного пуска явилось то, что потребовалось почти четыре года, чтобы вывести комбинат на проектную мощность. Завершение строительства и ликвидация недоделок продолжались в течение 1932–1933 гг.

Опыт строительства Вишерского ЦБК и Березниковского Химкомбината руками заключенных был признан удачным. После пуска комбината начальник лагеря Э. Берзин отбыл в Москву, где получил новое назначение – директором треста «Дальстрой» и уехал на Колыму организовывать промышленную добычу золота и других ценных металлов трудом заключенных.

Из статьи Л.А.Обухова, доцента кафедры новейшей истории России историко-политологического факультета Пермского университета,

ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 2920. Л. 41, 44. ПермГАНИ. Ф. 1015. Оп. 1. Д. 33. Л. 21.

Архив стеклонегативов со строительства Вишерского бумкомбината, фонды Архивного отдела администрации Красновишерского муниципального района.

Рабочие во время перевозки строительного материала трактором 22 февраля 1933 года.

Рабочие около диска корообдирки в древесном отделе 1930-е годы.

Помещение столовой в гостинице 25 августа 1931 года. Ф. 187, Оп. 3, Д. 405.

Водолазные работы в насосной станции 14 мая 1933 года.
